

- [8] Berrocoso M., Carmona J., Fernandez-Ros A., Perez-Pena A., Ortiz R., Garcia A. Kinematic model for Tenerife Island (Canary Islands, Spain): Geodynamic interpretation in the Nubian plate context // *Journal of African Earth Sciences*. 2010. Vol. 58. P. 721—733.
- [9] Garcia A., Vila J., Ortiz R., Macia R., Sleeman R., Marrero J. M., Sanchez N., Tarraga M., Correig A. M. Monitoring the Reawakening of Canary Islands Teide Volcano. EOS, VOLUME 87 NUMBER 6 7 FEBRUARY. 2006. P. 61—65.
- [10] Garcia A., Chiappini M., Blanco-Montenegro I., Carluccio R., D'Ajello F., Caracciolo F., De Ritis R., Nicolosi I., Pignatelli A., Sánchez N., Boschi E. High resolution aeromagnetic anomaly map of Tenerife, Canary Islands // *ANNALS OF GEOPHYSICS*. 2007. Vol. 50. N 5.
- [11] Geyer A., Marti J. The distribution of basaltic volcanism on Tenerife, Canary Islands: Implications on the origin and dynamics of the rift systems. *Tectonophysics*, 2009.
- [12] Marti J., Ortiz R., Gottsmann J., Garcia A., De La Cruz-Reyna S. Characterising unrest during the reawakening of the central volcanic complex on Tenerife, Canary Islands, 2004—2005, and implications for assessing hazards and risk mitigation // *Journal of Volcanology and Geothermal Research*. 2009. Vol. 182. P. 23—33.
- [13] Marti J., Geyer A., Andujar J., Teixidó F., Costa F. Assessing the potential for future explosive activity from Teide-Pico Viejo stratovolcanoes (Tenerife, Canary Islands) // *Journal of Volcanology and Geothermal Research* 178 Elsevier. 2008. P. 529—542.
- [14] Marti J., Aspinall W. P., Sobradelo R., Felpeto A., Geyer A., Ortiz R., Baxter P., Cole P., Pacheco J., Blanco M. J., Lopez C. A longterm volcanic hazard event tree for Teide-Pico Viejo stratovolcanoes (Tenerife, Canary Islands) // *Journal of Volcanology and Geothermal Research*. 2008. Vol. 178. P. 543—522.
- [15] Sole-Sugranyes L. Analisis morfotectónico de Tenerife (Islas Canarias). Institut de Ciències de la Terra «Jaume Almera» CSIC. c. Sol Sabarós s/n 08028 2008 Barcelona.
- [16] Umbgrove. JHF. The Pulse of the Earth. The Hague, NL: Nyhoff, 1942.

Санкт-Петербург

Мадрид

Тируванантапуран

vladanokhin@yandex.ru

cpshenichny@yandex.ru

* ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И. С. Грамберга»

** Национальный музей естественных наук Испании

*** Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационной технологии, механики и оптики

**** Университет Тривандрума, Индия

Поступило в редакцию

6 июня 2012 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 6

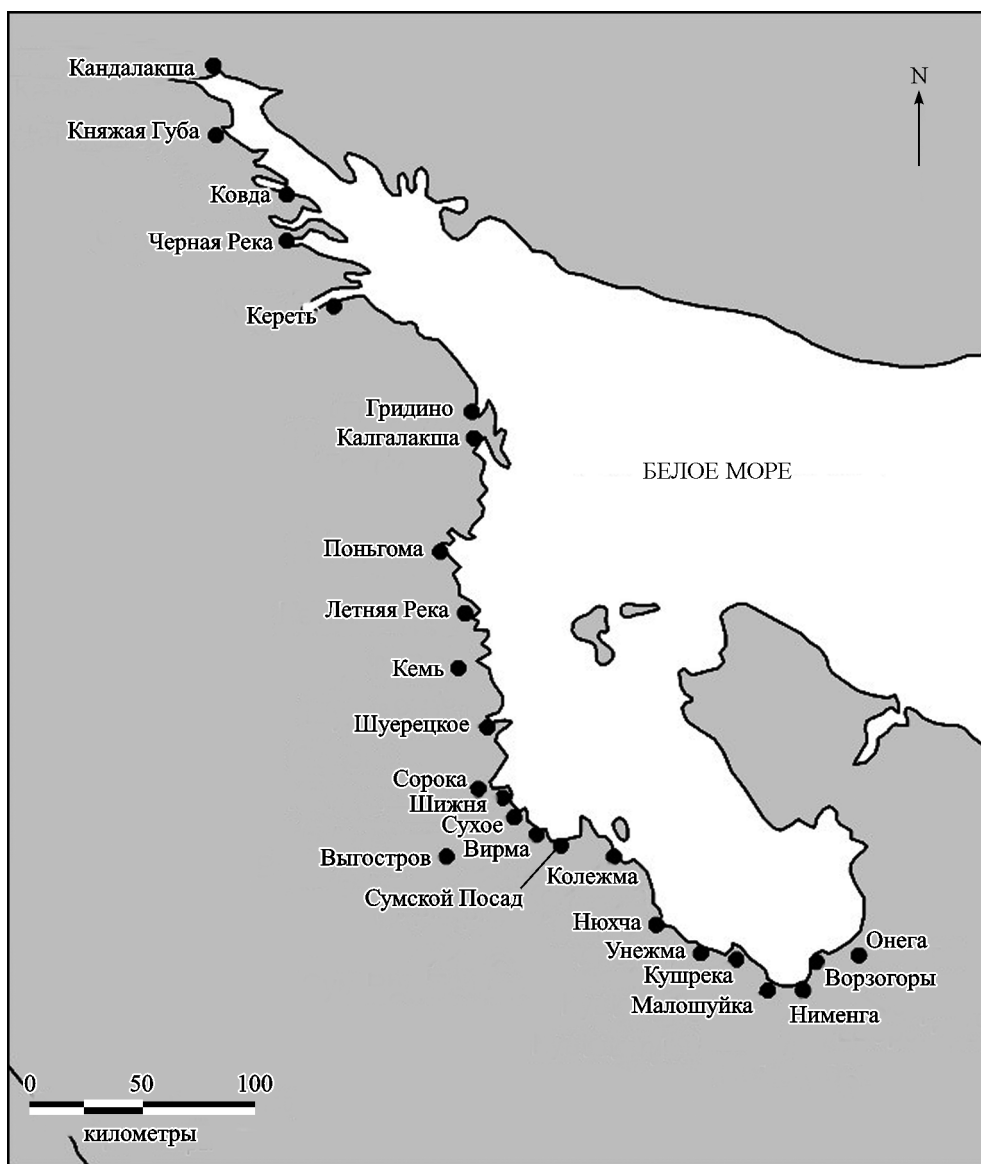
© С. А. КАПИТОНОВА

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Изучение истории хозяйственного освоения позволяет более глубоко познать процесс взаимодействия природной среды и человеческого общества во времени и пространстве. Объективная информация о процессе освоения формируется в ходе анализа этапов освоения и проведения историко-географиче-

ского районирования территории. Изучение истории хозяйственной деятельности целесообразно проводить на региональном уровне (историко-географическая область, подобласть и ее районы) и на локальном уровне *ядер освоения* (конкретные населенные пункты и их окрестности) [4].

Карельское Поморье — составная часть Поморской историко-географической области, которая включает в себя также Архангельское и Мурманское Поморье. Карельское Поморье состоит из двух районов: Карельский Берег (от современной Кандалакши до р. Кемь) и Поморский Берег (от р. Кемь до р. Онега) (см. рисунок). Разделение на Карельский и Поморский Берега определяется на-



Поселения Карельского Поморья (XII—XIX вв.).

личием карельского этнического субстрата в Карельском Поморье. Ядра освоения на данной территории: Кандалакшское, Керетское, Гридинское, Поньгомское, Кемское, Сорокское, Вирминское, Колежемское, Нюхчинское, Сумпо-садское; они соответствуют крупным старинным поселениям — поморским селам (см. рисунок).

Историю освоения территории Карельского Поморья к началу XXI в. можно разбить на следующие этапы: древний, саамский, карело-русский (включая монастырский), промышленный, советский, постсоветский.

Древний этап, предшествующий появлению славянского населения, продолжителен — от VII—V тыс. до н. э. до IX в. После таяния ледника в восточной и юго-восточной частях Карелии довольно быстро возникли природные условия, пригодные для обитания человека. Согласно данным археологических исследований, западное побережье Белого моря было заселено в эпоху мезолита [11]. По мнению Г. А. Панкрушева [10], именно к этому времени и относятся небольшие стоябища древних охотников. В Карелии известны пока только 5 стоянок, сохранившихся от времени первичного ее заселения в X—середине IX тыс. до н. э.; одна из них — в долине р. Кемь [3]. Все они представляли собой небольшие кратковременные стоябища малочисленных родовых коллективов.

Рыболовство, охота и морской промысел были основной деятельностью местного населения в эпоху неолита — бронзового века. Каменные орудия труда и предметы домашнего обихода, кости добывавшихся животных и их кремниевые фигурки, наскальные рисунки на местах некоторых стоянок сохранились до наших дней. Сырьем для орудий труда и охоты служили в основном сланец и кварц, а также попавший сюда в результате товарообмена кремнь. Среди предметов, найденных на стоянках, широко представлены рубящие и долбящие сланцевые орудия (топоры, тесала, долота), украшения в виде сланцевых колец и сланцевых подвесок с просверленным отверстием.

В 1926 г. А. М. Линевский обнаружил наскальные изображения (петроглифы) на стоянке Бесовы Следки. Благодаря петроглифам можно достоверно определить годовой промысловый цикл в неолитическом обществе на Севере, выявить разнообразие приемов охоты на того или иного животного и узнать, какими представляли люди свои многочисленные божества.

Следующий этап — **саамский**, продолжался примерно до XI в. н. э. Климатические изменения малого межледникового периода (эпохи викингов) — потепление, увеличение годового количества атмосферных осадков — явились причиной миграции оленей на север [3]. За ними территорию стали осваивать саамы, которые мигрировали из бассейна Онежского озера. Они занимались характерными для них видами хозяйственной деятельности: охотой (преимущественно на оленей) и озерно-речным рыболовством. Постепенно саамы отеснялись карелами все далее на север. До наших дней сохранились саамские географические названия Нюхча, Сума, Колежма, Вирма. В тридцати километрах от Кемь на островах Немецкие и Русские Кузова обнаружены сейды — священные камни саамов. Они состоят из сложений валунов, отдаленно напоминающих людей, зверей и птиц. Здесь же представлены и «лабиринты», рассматриваемые некоторыми исследователями в качестве культовых объектов этого этноса.

Карело-русский (монастырский) этап начался в XI—XII вв. Карелы — союзники Новгородской республики — стали постепенно осваивать Поморье и уже к концу XII в. создали свои поселения. Поморские поселения карелов и

русских располагались на устьевых участках рек до верхнего предела поступления в реки морских вод во время приливов.

Локальная этническая группа «поморы» начала формироваться с XII в., со времени продвижения новгородцев и псковичей на север. С побережий Ильменя и Псковско-Чудского озер через Ладогу, Онего и Онежско-Беломорский водораздел русские переселенцы достигли Белого моря [1]. Основные пути новгородско-псковского освоения Карельского Поморья шли по озерно-речным системам, что оказало влияние на формирование прибрежного типа расселения. Поморское население складывалось на основе своеобразного этнического синтеза давно обживших Карельское Поморье северных карелов и русских переселенцев. Первыми поселениями стали Сумской Посад (Сумпосад), Вирма, Шуе-рецкое и др. В основе хозяйственной деятельности карельского и поморского населения всегда было использование природных ресурсов северных морей. Главное направление деятельности поморов — рыбный промысел и охота на морского зверя.

Активное участие в освоении новгородцами северных территорий принимала церковь, поэтому данный этап можно назвать также монастырским. На Европейском Севере было основано 94 монастыря. Наиболее крупные из них — Соловецкий, Михайло-Архангельский, Николо-Карельский. В XVI—XVII вв. Соловецкий монастырь был защитником северных рубежей страны. Начиная с 1571 г. он успешно отбивает нападения литовцев («литвинов»), шведов («заморских немцев»), «воровских казаков», английской эскадры.

Соловецкий монастырь владел многими земельными участками в промысловых поселениях Карельского Поморья. Согласно материалам А. М. Борисова [2], у монастыря имелось 560 крестьянских и бобыльских¹ дворов. Деятельность монастырей по берегам Белого моря значительно ускорила процесс заселения поморских районов и способствовала увеличению количества жителей в существовавших к тому времени поселениях.

Наиболее рентабельным занятием в Карельском Поморье было солеварение. Доход от этого промысла в XVI в. составлял до 59 % от общего дохода населения. В то же время доля дохода от сельскохозяйственного производства составляла всего 5—8 %. Соляной промысел территориально был разделен на 20—22 производственные единицы, которые назывались усольями.

Наличие соляных варниц на Севере, у моря, отмечается документами уже в XII в. Уставная грамота новгородского князя Святослава Олеговича новгородскому Софийскому Собору в 1137 г. узаконивает доход соляных варниц на море в пользу Собора [9]. Начиная со Средневековья вываривание соли из морской воды практиковалось от северного побережья Норвегии до Белого моря, но предпринимательский характер промысел приобрел в Карельском Поморье только в XVI в. В «Книге сбора данных и оборочных денег с тяглового населения Лопских погостов» имеются сведения о варницах в районе Нюхчи [14]. Варницы открывались там, где был лес, реки и соляной раствор воды необходимой концентрации. За период 1635—1650 гг. было открыто до 15 новых варниц. В 1620 г. было продано 63127 пудов (более 1 тыс. т), в 1649 г. — 146 808 (более 2.4 тыс. т), 1680 г. — 160 458 пудов (более 2.6 тыс. т) [2]. Соловецкий монастырь стал крупнейшим поставщиком соли на рынках Севера.

Типичная беломорская варница состояла из двух бревенчатых изб, в каждую из которой по деревянным желобам подавалась морская вода. В каждом

¹ Бобыль — крестьянин, не владеющий земельными угодьями.

помещении находился широкий противень (сковорода) — црен. Пока в одном выкипала вода, из второго собирали выпаренную соль в мешки, после чего наливали новую порцию воды. Огонь в варнице горел постоянно, поэтому требовалось большое количество дров. По данным на 1787 г., для поморских варниц, работавших у Сумского Посада, было заготовлено до 1000 куб. сажень (около 9,7 тыс. м³) дров.¹

Ближайшей железорудной базой для соляных варниц были озера и болота Лопских погостов. С местами производства соли они были связаны через систему рек и озер Беломорского бассейна (реки Кемь и Чирка-Кемь с притоками и озерами, р. Выг и др.).

Другой промысел — слюдяной — был сосредоточен в Керетской волости. Доходы от добычи слюды достигали 10—12 % общего дохода Соловецкого монастыря [2]. Слюду отвозили в Москву, где она получила название «мусковит». Ее охотно покупали и иностранные купцы. Особенного расцвета этот промысел достиг в XVI—XVII вв. Однако развитие стекольной промышленности, в особенности производства оконного стекла, в первой четверти XVIII в. самым существенным образом сказалось на слюдяной промышленности: добыча слюды в это время начинает резко уменьшаться, а затем прекращается [5].

Ловля жемчуга как промысел в Карельском Поморье существовал с давних времен. Жемчужные раковины добывали в устьях небольших рек. Согласно публикациям Т. А. Бернштам [1], его добывали примитивным способом: ловец бродил по реке, ощупывая ногой дно. Добытчик, наткнувшись на раковину, нырял и либо выкидывал ее на берег, либо клал в мешок, подвешенный у пояса. Ловцы сбывали необработанный жемчуг скупщикам, которые отвозили его на Шунгскую ярмарку, либо скупщикам — корабейникам из Финляндии.

Наиболее доходным видом промысла был рыбный. Рыбный промысел был объединен в пять производственных единиц: мурманский — с центром в Керетской волости, кемский, сумский, двинский и соловецкий (на островах). Рыбным и зверобойным промыслом была занята большая часть мужского населения.

Главнейшими видами местных рыбных промыслов были сельдяной и семужий. Эти виды рыб составляли 50 % от общего улова рыбы. Главнейшими орудиями лова семги были *забор*, *морская гарва* и *поезд*. Главное орудие лова в реках — забор: сетью, заканчивающейся ловушкой, перегораживали реку на пути следования семги с моря в верховья реки. Морская гарва представляла сетку длиной от 12 до 17 сажень (26—37 м) и высотой 4—8 аршин (2,8—5,7 м) [8]. Форму поезда очень легко представить, если обыкновенный очень широкий мешок разрезать вдоль по бокам на две половины и затем вшить с обеих сторон клинья в виде боковых стенок [8]. Орудия семужьего лова отличались большим разнообразием из-за различий в местах и в сезонах лова. Летом поморы ловили треску, семгу, затем, после ухода трески, переходили на улов наваги, а весной, когда Горло Белого моря занято льдами, занимались промыслом морского зверя.

Речной и озерный лов имел вспомогательное значение. Данным промыслом занимались в основном женщины, и он важен был для беднейшей части жителей, так как давал возможность постоянного пропитания в течение года.

Наряду с рыболовством существовал зверобойный промысел. Близость к районам массовых лежбищ гренландского тюленя обусловила главенствующее значение добычи морского зверя на Карельском берегу. Зверобойный про-

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 464. Оп. 61. Д. 14/200.

мысел делился на два основных вида — местный (беломорский) и отъезжий — у берегов Новой Земли и Шпицбергена. Весной добывали гренландского тюленя, в летнее время — белуху, осенью — кольчатого тюленя (нерпу).

Промышленный этап (вторая половина XIX—начало XX в.). Карельское Поморье богато лесными ресурсами, что способствовало развитию промышленного лесопиления. В 1866 г. был построен лесозавод на Якострове близ г. Кемь. В 1866 г. братьями Беляевыми был основан лесопромышленный завод в селении Сорока Кемского уезда Архангельской губернии. Летом 1875 г. завод сгорел, но на его месте построены два новых завода. В 1890 г. на обоих заводах было 5 паровых машин, 220 рабочих. Стоимость заготавливаемого леса составляла 237 тыс. руб.¹ На Карельском берегу в 1879 г. купцы братья Савины основали лесопильный завод в Керети. С тех пор это село стало промышленным и экономическим центром. В 1888 г. начал действовать Кемский лесозавод на о-ве Попова, принадлежавший А. Суркову и Ю. Шергольду, а в 1892 г. — Ковдский завод фирмы «Н. Русанов и сын». Лесозаводы Карельского Поморья, работавшие почти исключительно на экспорт, относились к числу наиболее крупных предприятий отрасли в России. Продукция поморских лесозаводов поставлялась преимущественно в Англию, а также в Германию.

Рыбный промысел в данный период активно развивался. В процессе развития промысловой системы хозяйства, как считает В. В. Никольский [8], определялась промысловая специализация различных частей Карельского Поморья. Так, во всей Кандалакшской губе и в Сорокской бухте господствовал сельдяной промысел. Семужий промысел комбинировался с ним в качестве подсобного или даже второстепенного. Участок побережья от Гридино до Кеми характеризовался значительным развитием семужного промысла в комбинации с сельдяным (за исключением Калгалакши и Летней Речки — двух пунктов с малоразвитыми рыбными промыслами, где сельдяной комбинировался с сиговым). Кроме того, в Шуе был представлен наважий промысел, в Сороке и Шиже — корюшковый, а в Гридино и Калгалакше специализировались на морском охотничьем промысле [8].

Согласно архивным источникам в 1904 г., общий улов рыбы в озерных и речных бассейнах составлял 250 тыс. пудов (более 4.1 тыс. т), в морских водах было наловлено 530 478 пудов (около 8.7 тыс. т) высокоценной рыбы: семги, трески, сельди и др.² Согласно архивным источникам, общая добыча поморских промысловиков в 1904 г. составляла 2000 тюленей, 700 нерп, 33 белухи, 200 морских зайцев и 6 моржей.³

С развитием морских и речных промыслов теснейшим образом связана история поморского судостроения. Все поморские берега имели своих мастеров и центры судостроения. На Карельском берегу в этом отношении выделялось Гридино. Настоящий промысловый характер оно носило в Сороцкой волости и отчасти — в Шуе, Нюхче, Колежме. В конце XIX в. на Мурман, в Норвегию, в Архангельск ходили 23 судна, построенные в Колежме. Основным промысловым судном на Карельском Поморье была *иняка* — беспалубное парусно-гребное судно. Иногда поморы использовали и более мелкие парусно-гребные суда — *тройники* и *карбасы* [1].

¹ НА РК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 2/54.

² НА РК. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1/2.

³ Там же.

С поморским промыслом и судостроением была связана и поморская торговля. Внутренние и внешние торговые связи в Карельское Поморье были обусловлены особенностями историко-экономического развития района: из Карельского Поморья в обмен на хлеб шла соль и рыба. Торговля осуществлялась с Архангельском, Вологодской и Вятской губерниями. Сумской Посад был важным центром торговли России и Норвегии; сюда приезжали торговать с местными жителями также английские и голландские купцы.

Сельское хозяйство в жизни поморов играло второстепенную роль. Причинами, сдерживающими развитие земледелия и скотоводства, были суровые климатические условия (короткий вегетационный период, пониженные летние температуры воздуха), сложный рельеф (обилие выходов кристаллических пород и др.), большие площади болот и заболоченных земель, распространение на побережье примитивных и маршевых почв. В зарастающих лагунах и на низких морских террасах формируются засоленные маршевые дерновые почвы.

«Поля не прокармливали, ели болтушку, кто ходил на Мурман — жили нормально» — таким было повсеместно распространенное мнение жителей побережья Белого моря.¹ На мелкоконтурных крестьянских полях выращивали рожь, ячмень и картофель, максимальная урожайность которых не превышала сам-4.

Согласно материалам Н. А. Кораблева [6], несложный состав землевладения в конце XIX—начале XX в. в Карельском Поморье исчерпывается двумя типами угодий — усадьбою и сенокосом. Площадь усадеб ограничивалась собственно местом для жилья и хозяйственных построек. Препятствием для увеличения их площади была каменистость грунта (в том числе выходы кристаллических пород). В Гридино, например, дома были разбросаны среди скальных выходов и нельзя было выкроить усадьбу правильной формы, а чтобы разбить огород, землю под него нужно было привозить.

Сенокосные угодья жителей поморских сел отличались крайней разбросанностью. Крестьяне по возможности использовали все пригодные участки: пожни на морских побережьях, пойменные луга, *тереба* (расчистки) — небольшие по площади луговые участки, разбросанные среди леса. Они давали населению самую простую и притом практически неограниченную возможность увеличения сельскохозяйственной площади. Нехватка сена восполнялась заготовкой на зиму «белого мха» (лишайника, ягеля), высушиванием для скота рыбных костей и мелкой рыбы. Для летнего выпаса скота крестьяне использовали острова, отличающиеся обилием трав и отсутствием хищников.

В Карельском Поморье подсечно-огневое земледелие не имело широкого распространения. Лишь в южной части площади подсеки для земледелия в масштабах Поморья были значительными. После реформы 1861 г. подсечное земледелие резко пошло на убыль [1]. Пашенное земледелие в Карельском Поморье существовало с XIX в. Его особенностью было формирование небольших пашенных участков с завезенной землей (мелкоземом).

В промышленный период в Карельском Поморье в незначительных размерах существовало огородничество. Высаживали на огородах преимущественно картофель, который служил подспорьем в хозяйстве поморов. С распространением картофеля в начале XIX в. на Карельском Берегу повсеместно прекрати-

¹ НАРК. Ф.379. Оп. 1. Д.1/3.

лась эпидемия цинги [1]. Посевы других огородных культур — лука, редьки, моркови — были мизерными.

В конце XIX—начале XX в. животноводство в Карельском Поморье было слабо развито. Частные подворья включали небольшое количество скота, в основном лошадей и овец. Лошади имели промысловое значение: извоз, лесозаготовительные и лесосплавные работы. За счет овец в крестьянском хозяйстве удовлетворялись потребности в мясе и шерсти. Держали также и крупный рогатый скот, но он был малорослый, с незначительным удоем, не имел промышленного значения. Навоз использовали как удобрение для огородов.

Для беломорского животноводства было характерно наличие в хозяйстве домашних оленей; домашним оленеводством поморы занимались с древних времен. Во второй половине XIX в. в Карельском Поморье имелись уже обширные оленеводческие хозяйства [12]. Оленей использовали в хозяйстве в качестве упряжных животных (зимний транспорт), на промысле и для различных хозяйственных работ — перевозки дров, сена, рыболовных снастей и небольших судов, продуктов питания. Поголовье домашних оленей в хозяйстве семьи могло достигать до 15—30. В 1918 г., по утверждению В. В. Никольского [8], оленеводство пришло в упадок. Громадный урон ему нанесла Гражданская война, хищническая охота на диких оленей. В 1930-е гг. на территории Карельского Поморья находились лагеря НКВД, заключенные использовали оленей в пищу, убивали самок, в связи с этим приплода не было [12].

Применение полевых исследований с использованием метода опроса (анкетирования) в поселениях Вирма и Гридино расширило объем информации о традиционном природопользовании и помогло выявить локальные особенности системы хозяйства Карельского Поморья. Так, в окрестностях Гридино местные жители указали топонимы «Варницы» и «Мельничка», свидетельствующие о существовании здесь в прошлом солеварного промысла и мукомольных ветряных и водяных мельниц. Данный факт подтверждает в своей работе К. К. Логинов [7]: до середины XIX в. гридинцы выращивали хлеба, озимую рожь, ячмень. Но местное земледелие не могло удовлетворить потребности населения в хлебе.

Полученные материалы позволили выявить черты сходства и некоторые различия в характере природопользования Карельского Поморья, обусловленные природными особенностями территории. Основным сходством является наличие четырех ведущих видов хозяйственной деятельности: морское рыболовство, животноводство (скотоводство), земледелие (особенно огородное) и лесная охота. В Гридино и ряде других северных поселений получило распространение оленеводство. Выявлены различия в растениеводстве — подсобном занятии поморского населения. Более активно земледелием занимались в южной части Поморья, например в Вирме. В Гридино в связи с худшими геолого-геоморфологическими условиями огородничество практически отсутствовало.

Большое влияние на экономику Карельского Поморья и Карелии в целом в период Первой мировой войны оказало строительство Мурманской железной дороги, соединившей Карелию и Кольский полуостров с центральными районами страны. В 1913 г. было принято решение о прокладке железнодорожного пути на участке от станции Званка (ныне Волховстрой) до Петрозаводска, а в дальнейшем и до Романова-на-Мурмане (ныне Мурманск). В середине июля 1914 г. здесь начались строительные работы. Дорога связала между собой ранее разобщенные населенные пункты, обеспечила прямую и надежную транс-

портную связь Карелии с крупнейшими политическими, экономическими и культурными центрами страны [5].

Общая численность населения края, согласно опубликованным статистическим данным и архивным материалам, за вторую половину XIX—начало XX в. довольно значительно увеличилась. Если в 1897 г. здесь проживало 35 368 чел., то в 1904 г. — 39 286, в 1917 г. — 49 467 чел.¹ [13].

В **советский период** рыбный промысел остался для поморов ведущей отраслью хозяйства, обеспечивающей определенный уровень достатка населения. В 1929 г. благодаря активно проходящему процессу коллективизации появились рыбопромысловые товарищества. Впервые они возникли в селах Сумской Посад, Сухое, Нюхча, Колежда, Вирма и к середине 1930-х гг. переросли в рыболовецкие колхозы «Беломор», «Заря Севера», «Труженик», «Океан», «Восход». Индустриализация народного хозяйства страны потребовала большого количества электротехнических материалов, среди которых одним из важнейших стала природная слюда. Добыча этого полезного ископаемого в Карельском Поморье была возобновлена.

Сельское хозяйство было одним из подсобных занятий жителей Карельского Поморья в данный период. В 1924 г. создан Лоухский сельскохозяйственный опытный участок. С 1929 г. на Лоухском опытном участке поставлены опыты для выяснения условий выращивания и сортоиспытания зерновых, картофеля и некоторых овощных культур. В 1930 г. на базе опытного участка был организован колхоз «Полярный пионер». Сельскохозяйственные работы велись и на территории лагерей НКВД: в основном это были тепличные хозяйства.

В **постсоветский период** в связи с экономической ситуацией в Карельском Поморье постепенно уменьшилось количество колхозов, прекращена добыча слюды. Постепенно стала развиваться рекреационная деятельность, связанная с познавательным, паломническим, водноспортивным видами отдыха, а также экологическим туризмом. Рекреационные ресурсы Карельского Поморья слабо востребованы по причине отсутствия развитой туристской инфраструктуры и специализированных туристских кадров.

Список литературы

- [1] *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л.: Наука, 1978. 175 с.
- [2] *Борисов А. М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск: Карелия, 1966. 283 с.
- [3] *Девятова Э. И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л.: Наука, 1976. 121 с.
- [4] *Жекулин В. С.* Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 225 с.
- [5] История Карелии с древнейших времен и до наших дней / Отв. ред. Н. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Саватеев и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 994 с.
- [6] *Кораблёв Н. А.* Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1980. 128 с.
- [7] *Логинов К. К.* Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск: Кар. НЦ РАН, 2008. С. 168—191.

¹ НА РК. Ф. 756. Оп. 1. Д. 2/19.

- [8] *Никольский В. В.* Быт и промыслы населения Западного побережья Белого моря. М.: Науч. техн. управ. ВСНХ., 1927. 235 с.
- [9] Отчет Поморского отдела Архангельского общества изучения Русского Севера за 1912 г. Архангельск, 1913. 10 с.
- [10] *Панкрусев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии Ч. 1, 2. Л.: Наука, 1978. 250 с.
- [11] *Песонен П. Э.* Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1980. С. 37—71.
- [12] *Сегаль А. Н.* Северный олень и оленеводство Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1959. 89 с.
- [13] Список населенных мест Архангельской губернии, 1918. Петрозаводск, 1919. 205 с.
- [14] *Asiakirjoja karjalan historiasta 1500 — ja 1600—luvulta.* История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Сост. Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова, В. Салохеймо. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. 624 с.

Петрозаводск
karitonovas@bk.ru
Карельская государственная педагогическая академия

Поступило в редакцию
26 апреля 2012 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 6

© **А. Л. АНТОНОВ**

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСТРОЕК ГИДРОСЕТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АРЕАЛОВ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ РЫБ В БАССЕЙНЕ АМУРА И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Ихтиофауна бассейна Амура отличается наибольшим богатством среди больших рек России. В настоящее время она насчитывает более 120 видов [47]. В ее составе имеется ряд реликтов и эндемиков. Формирование ихтиофауны Амура, ее богатство и эндемизм в существенной степени обусловлены перестройками земной поверхности и речной сети Дальнего Востока России [39]. Известно, что современный облик речная сеть Амура приобрела в результате значительных преобразований, при этом главные из них происходили на рубеже неогена и антропогена в районе хребта Малый Хинган, в низовьях Амура, а также вблизи границ современного бассейна [11, 13, 14, 22, 24, 27, 36, 38, 40].

В настоящем сообщении обсуждаются данные о распространении некоторых видов рыб отряда лососеобразных (*Salmoniformes*) — представителей семейств хариусовых (*Thymallidae*): хариуса верхнеамурского (*Thymallus grubii*), нижеамурского (*Th. tugarinae*), желтопятнистого (*Th. flavomaculatus*), верхнеленского (байкало-ленского) (*Th. arcticus baicalo-lenensis*) и лососевых (*Salmonidae*) — мальмы южной (*Salvelinus curilus*) и ленка тупорылового (*Brachymystax tumensis*) в связи с данными по палеогеографии региона, и в частности о перестройках речной сети бассейна Амура и его окружения. Латинские названия таксонов даны по [47]. Деление бассейна Амура на Верхний, Средний и Нижний принято согласно [34, 35].